

Белорусского государственного экономического университета. – Минск : Белорусский государственный экономический университет, 2022. – С. 368-375.

Podobed, N. A. Formation of the digital ecosystem of transport and logistics complex of the EAEU / N. A. Podobed, Y. I. Yenin // Scientific works of the Belarusian State Economic University. – Minsk : Belarusian State Economic University, 2022. – P. 368–375.

8. Пономарев, А. И. Оценка эффективности интегрированных интерактивных маркетинговых off-on-line-коммуникаций как функция менеджмента / А. И. Пономарев, А. М. Пономарева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 2(57). – С. 27–34.

Ponomarev, A. J. Evaluation of the effectiveness of integrated interactive marketing off-on-line communications as a function of management/ A. I. Ponomarev, A. M. Ponomarev // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2015. – 2(57). – P. 27–34.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024.

УДК 339.924

A. Pranevich
BSEU (Minsk)

RESTRICTIVE MEASURES IN THE MODERN WORLD ECONOMY: ESCALATION FACTORS, CONSEQUENCES AND COSTS OF APPLICATION

The article systematizes the reasons for the escalation of restrictive measures in the world economy of the 21st century, which results in the growth of conflict, strengthening of geo-economic and geopolitical confrontation of countries and regions. The identified problems generate new costs, uncertainty and risks of functioning of both national economies and have a negative impact on the system of international economic relations as a whole. Sources of solving problems in the foreign economic sphere and competitive stability of the Republic of Belarus are identified.

Keywords: *geo-economic fragmentation; risks of the global economy; protectionism; sanctions policy.*

А. А. Праневич
доктор экономических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ФАКТОРЫ ЭСКАЛАЦИИ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ИЗДЕРЖКИ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье систематизируются причины эскалации использования ограничительных мер в мировой экономике XXI века, следствием чего становится рост конфликтности, усиление геозкономического и геополитического противостояния стран и регионов. Выявленные проблемы порождают новые издержки, неопределенность и риски функционирования как

национальных экономик, так и оказывают негативное влияние на систему международных экономических отношений в целом. Определяются источники решения проблем во внешнеэкономической сфере и конкурентной устойчивости Республики Беларусь.

Ключевые слова: *геоэкономическая фрагментация; риски глобальной экономики; протекционизм; санкционная политика.*

Процесс формирования нового геоэкономического порядка становится мега-трендом первой четверти XXI в. Его начало связывают с мировым финансово-экономическим кризисом 2007–2009 гг., положившем начало кризису экономических отношений в целом, основными чертами которого стали замедление темпов экономического роста (рецессия мировой экономики или состояние «новой нормальности»), сужение торговых и инвестиционных возможностей многих стран, рост задолженности, усиление неравенства стран и регионов. Отмечается одновременность кризисных проявлений по всем формам международного экономического сотрудничества (поликризис), что ведет к росту конфликтности в мировой экономике, усилению геоэкономического и геополитического противостояния. Наряду с интеграционными процессами все чаще проявляются процессы дезинтеграции, которые меняют вектор взаимоотношений в глобальной экономике, и являются первопричиной для перераспределения влияния в рамках глобального экономического и социально-политического пространства.

В борьбе за сферы влияния в глобальной торговой, финансовой, технологической и информационной сферах меняются характер и инструменты глобальной конкуренции, обеспечивая переход от концепции международного экономического сотрудничества на основе многосторонней либерализации к усилению политики протекционизма, включая в том числе и введение странами взаимных барьеров в трансграничной торговле и инвестициях.

Рост использования ограничительной практики в международных экономических отношениях является производным эффектом ряда факторов.

1. Глобализация экономики, и, как следствие, высокая степень взаимной интеграции различных рынков товаров, услуг и капиталов. Углубление экономического взаимодействия национальных экономик, интернационализация финансового и производственного капитала, создает основу для неразрывной связи государств, которая диверсифицируется связями экономического сотрудничества. В результате оказание деструктивного влияния на отдельных важнейших участников глобальной экономики, интегрированных в происходящие на мировой арене экономические, социальные и политические процессы, подвергает дополнительным рискам и потрясениям как и сами страны-агрессоры, вводящие ограничительные меры, так и всю мировую экономику в целом. Эскалация ограничительной практики приводит к нарушению продовольственной, энергетической и экологической безопасности, и оказывает влияние на характерные сдвиги в будущих периодах.

2. Рост мировой торговли, обусловленный широкомасштабной тарифной либерализацией. В таких условиях страны, чтобы компенсировать снижение пошлин и поддержать свои конкурентные преимущества, осуществляют переход к масштабному использованию нетарифных методов, в том числе и в скрытой форме. Наибольшее распространение получают средства, протекционистские цели которых сложно доказать и которые можно замаскировать под борьбу против недобросовестной конкуренции или защиту интересов потребителя (необоснованные

обвинения иностранных поставщиков в демпинге, завышенные технические требования к их товарам и упаковке, скрытое субсидирование отечественных предприятий), причем указанные средства часто применяются на дискриминационной основе [1]. Все это становится основой для разногласий, ужесточения условий международной торговли и новых геоэкономических конфликтов.

3. Изменение соотношения сил в мировой экономике. На рубеже XX–XXI вв. происходит существенное расширение круга развивающихся стран, которые не только стали активными участниками международного торгового и производственного сотрудничества, но и определяют в значительной степени вектор развития (Индия, Китай). В свою очередь, развитые страны не готовы терять позиции лидерства. Рост такого соперничества только усиливается, особенно в областях, характеризующихся потенциально крупными экономическими выгодами и рисками для безопасности, причем все чаще с использованием мер ограничительного характера, направленных не только на устранение конкурента, но и в целях нанесения максимального материального ущерба стране-объекту, ее международной изоляции. Именно развитые страны выступают лидерами в использовании ограничительных мер в процессе экономического давления на развивающиеся страны, используя их как инструмент сдерживания экономического и технологического развития государств-конкурентов. Так, правительствами стран G20 за период 2018–2023 гг. введено свыше 8,5 тыс. протекционистских мер в сфере торговой политики. Согласно оценкам, представленным в G20 Trade Policy Factbook (2023) [2] большинство изменений в торговой политике стран G20 направлено на снижение конкурентных преимуществ стран-конкурентов (рис.).

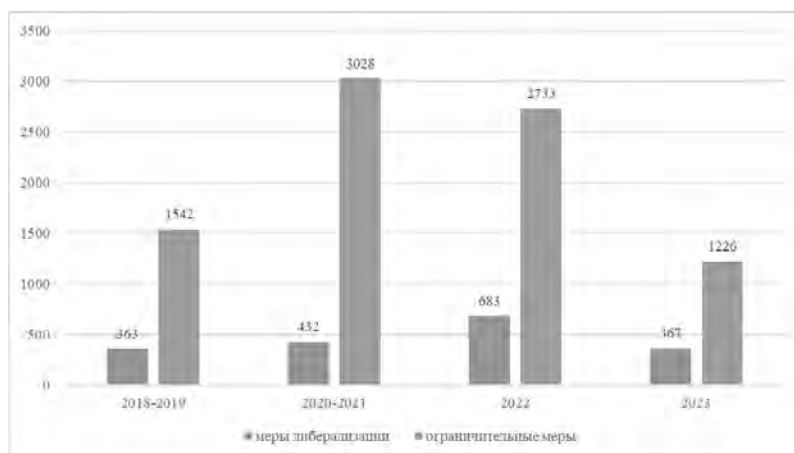

Рисунок. Число торговых реформ, осуществленных странами-членами G20

Примечание – Источник: составлено автором на основе данных [2].

Реформы протекционистской направленности, несмотря на существенное их снижение в 2023 г. по-прежнему превосходят реформы, направленные на либерализацию торговли (более чем в 3 раза). При этом наиболее часто применяемыми протекционистскими мерами оставались меры, связанные с использованием государственных закупок, ростом тарифов, импортных лицензий и квот.

4. Развитие процессов финансовой глобализации определяет переход от введения торговых ограничений, доля которых стала снижаться, к финансовым ограничениям, включая вторичные экстерриториальные ограничительные меры. Нацеленность ограничительных мер на финансы и инвестиции показывает стремление отделить страну от мировой финансовой системы, нарушить ее финансовые потоки и денежные расчеты. Финансовые ограничения могут включать замораживание иностранных средств физических или юридических лиц, отказ в предоставлении займов центральным банкам целевых стран, прекращение или ограничение финансовых операций, инвестиций или экспортных кредитов [3]. Конкурентный процесс в области международных финансов порождает конкуренцию валют, результатом которой становится запуск механизма ослабления резервных валют и укрепления национальных валют развивающихся стран [4].

Последствиями негативного влияния процессов, запущенных в мировой экономике, стали:

1. Рост конфликтности в мировой экономике в условиях неспособности их урегулирования международными экономическими организациями. Юридическая основа для введения ограничительных мер определяется и нормами ст. XXI ГАТТ. В ней допускаются исключения, разрешающие введение торговых ограничений для защиты существенных интересов безопасности страны. Однако на практике понятие «существенные интересы безопасности» является трудноопределимым, и фактически закладывает основу для применения протекционистских мер, формируя проблемное поле равновесия между теорией и эмпирикой их использования в мировой экономике XXI в. В подавляющем большинстве случаев, практика применения принудительных мер экономического характера в межгосударственных отношениях свидетельствует о том, что с точки зрения международного права, «индивидуальные санкции» нарушают принцип невмешательства, на что некоторые государства считают должным отреагировать путем применения принудительных мер экономического характера. Таким образом, отсутствие правонарушения, как предпосылки правомерного применения санкций, делает подобные действия неприемлемыми. В настоящее время к «экономическим санкциям» можно отнести и правомерное действие, и неправомерное, что является серьезным негативным моментом, как в теоретическом, так и в практическом плане.

Конечно, правила ВТО позволяют объектам экономических санкций обратиться за помощью через процедуры урегулирования споров, но, как показывают факты, такое обращение дает более чем скромные результаты. В основном проясняются права и обязанности членов, в частности касающиеся прозрачности. Кроме того, прослеживается факт, что вероятность участия в спорах ВТО сильно зависит от размера экономики страны. Чем больше экономика страны, тем больше поводов у нее подать жалобу на того или иного контрагента и тем больше вероятность получить претензию со стороны кого-то из торговых партнеров. Согласно статистическим данным, на США и ЕС (G2) приходится 40,7 % всех поданных жалоб и 43,0 % всех полученных исков, а наименее развитые страны воспользовались инструментом по решению споров через ВТО лишь однажды (табл.) [5].

Таблица – Число жалоб, поступивших в ОРС ВТО от различных групп стран

Страна	Дела, где страна выступала истцом		Дела, где страна выступала ответчиком	
	Количество, шт.	%	Количество, шт.	%
США и ЕС	242	40,7	256	43,0
Развитые	159	26,7	152	25,5
Развивающиеся	193	32,4	187	31,5
Наименее развитые	1	0,2	0	0
В сумме	595	100	595	100

Примечание – Источник: собственная разработка на основе данных [5, с. 57].

Разумеется, на основе простой количественной оценки нельзя однозначно говорить, что одни страны имеют больше шансов начинать споры, чем другие. Но можно уверенно говорить о наличии асимметрии: ОРС ВТО де-факто разбирает в основном дела, в которые вовлечены США, ЕС и другие наиболее развитые страны.

2. Замедление темпов роста мировой экономики и мировой торговли. Изменения в глобальных цепочках создания стоимости в силу нарастание геэкономической напряженности, увеличение мер, ограничивающих торговлю при сохраняющейся экономической неопределенности в отношениях между США и КНР, выражаются в снижении динамики международной торговли. Эмпирические данные показывают, что если в 1990-е гг. отношение роста мировой торговли товарами к мировому ВВП было в целом выше 2, то с началом мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. оно постоянно сокращается, и в 2023 г. уже не превышает 1. Эти факторы и охлаждение общей экономической активности послужили причинами тенденции замедления темпов роста мировой торговли товарами до 0,8 %. Этот рост становится самым медленным за последние десятилетия, что обуславливает высокую вероятность перестройки глобальных экономик, переориентацию развитых и развивающихся стран на новые целевые ориентиры ввиду необходимости принятия последствий ранее принятых решений.

3. Усиление неравенства, рост цифровой и технологической зависимости развивающихся стран, связанных с ростом влияния факторов специализации на создание новых технологий; организацию их защиты посредством института интеллектуального и, прежде всего, патентного права; локацию субъектов, доминирующих в результате использования дискриминационных способов удержания конкурентных технологических преимуществ на отдельных сегментах цифровых рынков. Страны-лидеры, в числе которых Япония, США, Германия, Сингапур, Швейцария, не только вносят существенный вклад ИТ-индустрии в экономику собственных стран (например, США около 20 %, в ЕС – 17 %, в Израиле – 11 %, в Японии – 10,6 %), но и определяют сценарии технологического развития отраслей и мировых рынков. Тренд на усиление технологического и цифрового монополизма лидирующих стран и компаний, оказывает существенное негативное влияние на страны технологической периферии на уровне как отдельных рынков (так, контроль 74 % мирового рынка промышленной робототехники осуществляют пять стран – КНР, Япония, Германия, США и Южная Корея), глобальных цепочек создания стоимости в цифровой среде, так и появления сильной мотивации к изменению регулирования в области интеллектуальной собственности, конкурентной, антимонопольной, промышленной и инновационной политики. Усиливает

негативный эффект тот факт, что мировые регулятивные стандарты в основном были разработаны в соответствии с интересами развитых экономик и слабо учитывают интересы развивающихся стран [6].

Стоит отметить, что экономические конфликты на мировом рынке имеют в некоторой степени положительные моменты. Они выполняют функцию сигнализатора, свидетельствующего об изменении соотношения сил на международной арене. Тем самым международный конфликт выполняет коммуникативно-информационную функцию, доводя до сведения мирового сообщества вопрос о необходимости пересмотра сложившейся системы на двустороннем, региональном или глобальном уровне в рамках международного права.

Эффективность применения ограничительных мер и санкционной политики в значительной степени зависит от экономической уязвимости страны-объекта и от инструментов, доступных для использования.

Современные ограничительные меры и санкции являются структурированной угрозой: нанося прямой ущерб адресату, они впоследствии формируют зону повышенной неопределенности и возросших рисков, тем самым нанося косвенный ущерб для делового климата и инвестиций. Итогом становится появление эффект домино для производственной конкуренции и взаимосвязанных поставок по смежной и сопряженной цепочке внешнеэкономических связей. Санкции вынуждают отказываться от выгод международного разделения труда и опираться лишь на собственные силы, что подрывает экономическую основу глобализации. Кроме того, ожидание потенциальных санкций деформирует заложенное в самом процессе конкуренции соотношение двух начал – соперничества и сотрудничества. Применение ограничительных и санкционных мер оказывает негативное влияние как на экономику стран, против которых они направлены, так и на экономику стран, их иницилирующих, порождая пространство для роста издержек их применения в результате:

- нарушения глобальных экономических, торговых, финансовых связей, в которые были активно вовлечены субъекты экономических процессов;
- сегментации ранее интегрированной экономики на отдельные составляющие;
- ориентации на геоэкономическое противостояние, признаками которого являются самообеспеченность, защита страны за счет прямого отбора инвестиций, локализация информации в рамках экономики, исключение отдельных субъектов с ключевых рынков;
- замедления технологического прогресса во всем мире из-за прекращения сотрудничества между странами и развития программ импортозамещения, а не высоких технологий;
- усиления шоков внутреннего и внешнего происхождения (девальвация национальной денежной единицы, нарушение цепочек поставок, сокращение инвестиций, рост инфляционных ожиданий, снижение темпов роста ВВП);
- рост неопределенности для инвесторов, снижение уверенности бизнеса.

Ответной реакцией на расширительное использование мер ограничительной практики стран, против которых они направлены, становится формирование защитных механизмов, включая: стратегическую переориентацию международного сотрудничества на другие страны и регионы, не поддерживавшие политику ограничений; принятие мер по экстренной стабилизации инфляции, экономического

роста, сальдо платежного баланса, уровня безработицы; реализацию политики импортозамещения.

Объектом санкционного воздействия стала и Республика Беларусь. Такие ожидаемые и незапланированные перемены в организации и взаимодействии субъектов глобального конкурентного ландшафта потребовали для Республики Беларусь пересмотра практически всех направлений макроэкономической политики, включая одновременное разрешение проблем инфляции, оттока инвестиций, потери интеллектуального потенциала и др. Еще более очевидным стала необходимость решения вопроса по поиску или переформатированию имеющихся связей хозяйствующих субъектов и определению новых «точек включения» как на структурной, так и на географической основах. Однако такие точки должны ориентироваться на перспективные направления развития не только региональной, но и глобальной экономики, в среде глобальной конкуренции с участием стран-партнеров из БРИКС, АТР, Латинской Америки и Африки.

Источники

1. Кузнецов, А. В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия / А. В. Кузнецов // Финансы: теория и практика. – 2019. – Т. 23, № 5. – С. 50–61.

Kuznetsov, A. V. Disintegration of the world trade system: causes and consequences / A. V. Kuznetsov // Finance: theory and practice. – 2019. – Vol. 23, No. 5. – P. 50–61.

2. Global dynamics. – URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (date of access: 15.10.2024).

3. Платонова, И. Н. Финансовые санкции ЕС против России: сфера применения / И. Н. Платонова, И. П. Гурова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 5. – С. 49–62.

Platonova, I. N. EU financial sanctions against Russia: scope of application / I. N. Platonova, I. P. Gurova // Russian Foreign Economic Bulletin. – 2015. – No. 5. – P. 49–62.

4. Кудряшова, И. В. Современные мировые валюты: роль в официальном секторе / И. В. Кудряшова // Финансы и кредит. – 2018. – Т. 24, № 1 (769). – С. 79–94.

Kudryashova, I. V. Modern world currencies: the role in the official sector / I. V. Kudryashova // Finance and Credit. – 2018. – Vol. 24, No. 1 (769). – P. 79–94.

5. Anderson, K. Contributions of the Gatt/WTO to Global Economic Welfare: Empirical Evidence / K. Anderson // Journal of Economic Surveys. – 2019. – № 1. – P. 56–92.

Anderson, K. Contributions of the Gatt/WTO to Global Economic Welfare: Empirical Evidence / K. Anderson // Journal of Economic Surveys. – 2019. – No. 1. – P. 56–92.

6. Праневич, А. А. Монополизация глобального цифрового пространства: растущие угрозы для развивающихся стран и возможности их преодоления / А. А. Праневич // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – Тверь, 2020. – № 4 (52). – С. 149–157.

Pranevich, A. A. Monopolization of the global digital space: growing threats to developing countries and the possibility of overcoming them / A. A. Pranevich // Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management. – Tver, 2020. – No. 4 (52). – P. 149–157.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024.